

Генри Лайон Олди

Вложить душу

*Часть сборника
Тени моего города (сборник)*

Генри Лайон Олди

Вложить душу

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=144890

Нам здесь жить. Книга 1. Армагеддон был вчера: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-30672-5, 978-5-699-23529-2

Аннотация

«Рассвет пах обреченностью.

Еще не открывая глаз, Мбете Лакемба, которого в последние годы упрямо именовали Стариной Лайком, чувствовал тухлый привкус судьбы. Дни Предназначения всегда начинаются рассветом, в этом они неотличимы от любых других дней, бессмысленной вереницей бегущих мимо людей, а люди смешно растопыривают руки для ловли ветра и машут вслепую – всегда упуская самое важное. Сквозняк змеей скользнул в дом, неся в зубах кровотокающий обрывок бриза, и соленый запах моря коснулся ноздрей Мбете Лакембы...»

Генри Лайон Олди

Вложить душу

Рассвет пах обреченностью.

Еще не открывая глаз, Мбете Лакемба, которого в последние годы упрямо именовали Стариной Лайком, чувствовал тухлый привкус судьбы. Дни Предназначения всегда начинаются рассветом, в этом они неотличимы от любых других дней, бессмысленной вереницей бегущих мимо людей, а люди смешно растопыривают руки для ловли ветра и машут вслепую – всегда упуская самое важное. Сквозняк змеей скользнул в дом, неся в зубах кровотокащий обрывок бриза, и соленый запах моря коснулся ноздрей Мбете Лакембы. Другого запаха, не считая тухлятинки судьбы, жрец не знал – единственную в своей жизни дальнюю дорогу, связавшую остров с островом, окруженный рифами Вату-вара с этим испорченным цивилизацией обломком у побережья Южной Каролины, упрямый Лакемба проделал морем. Хотя западные Мбати-Воины с большими звездами на погонах предлагали беречь время и лететь самолетом. Наверное, вместо звезд им следовало бы разместить на погонах циферблаты часов, ибо они всю жизнь боялись потратить время впустую. Неудачники – так они звали тех, чье время просыпалось сквозь пальцы. Удачей же считались латунные звезды, достойная пенсия и жареная индейка; западные Мбати рож-

дались стариками, навтытяжку лежа в пеленках, похожих на мундиры, и называли это удачей.

Мбете Лакемба оторвал затылок от деревянного изголовья и, крихтя, стал подниматься. Большинство береговых фиджийцев к концу жизни было склонно к полноте, и жрец не являлся исключением. Когда-то рослый, плечистый, сейчас Лакемба сутулился под тяжестью лет и удвоившегося веса, а рыхлый бурдюк живота вынуждал двигаться вперевалочку, подобно глупой домашней птице. Впрочем, лицо его оставалось прежним, вытесанным из пористого камня скал Вату-вара... Было странно видеть такое лицо у жирного старика, и местные рыбаки тайком скрещивали пальцы, когда им доводилось наткнуться на острогу немигающих черных глаз Старины Лайка. Рыбаки смотрели телевизор и любили своих жен под вопли компакт-проигрывателя, у рыбаков была медицинская страховка и дом, воняющий пластмассой, но в море волны раскачивали лодку, а ночное небо равнодушно взирало сверху на утлые скорлупки, и медицинская страховка казалась чем-то несущественным, вроде муравья на рукаве, а слова Старины Лайка о муссоне пополуночи – гласом пророка перед коленопреклоненными последователями.

Потом рыбаки возвращались домой, и Уитни Хьюстон помогала им любить своих жен, громко жалуясь на одиночество из темницы компакт-проигрывателя.

Стараясь не разбудить матушку, бесформенной кучкой тряпья прикорнувшую в углу у земляной печи, Мбете Ла-

кемба вышел во двор. Посторонний наблюдатель отметил бы бесшумность его шага, удивительную для возраста и телосложения жреца, но в доме Старины Лайка не водилось посторонних. Зябко передернувшись, старик снял с веревки одежду и принялся натягивать брезентовые штаны с не перестававшими удивлять его карманами на заднице. Эти карманы удивляли жреца много лет подряд, потому что задница нужна здравомыслящему человеку, чтобы на ней сидеть, а не хранить всякую ерунду, сидеть на которой неудобно и даже болезненно, будь ты правильный человек с Вату-вара или рыбак, верящий одновременно в приметы и медицинскую страховку.

Пожалуй, гораздо больше стоил удивления тот факт, что штаны Лакембы совершенно не промокли от утренней росы – но это пустяки, если знаешь слова Куру-ндуандуа, зато карманы на заднице...

Почесав волосатое брюхо, Мбете Лакемба прислонился к изгороди и шумно втянул ноздрями воздух. Нет. Рассвет по-прежнему пах обреченностью. Даже сильнее, чем при пробуждении. Так уже было однажды, когда жрецу пришлось схватиться с двухвостым Змеем Туа-ле-ита, духом Тропы Мертвых, незаконно утащившим душу правильного человека. Белый священник еще хотел тогда увезти Лакембу в госпиталь, он твердил о милосердии, а потом принялся проклипать дураков с кожей цвета шоколада «*Corona*», потому что не понимал, как может здоровый детина больше неде-

ли лежать неподвижно с холодными руками и ногами, лишь изредка хватая сам себя за горло; а в Туа-ле-иту белый священник не верил, что удивительно для жреца, даже если ты носишь странный воротничок и называешь Отца-Нденгеи то Христом, то Иеговой.

К счастью, матушка Мбете Лакембы не позволила увезти сына в госпиталь св. Магдалины, иначе двуххвостый Туа-ле-ита не только заглотал бы украденную душу вместе со жрецом, задохнувшимся под кислородной маской, но и славно повеселился бы среди западных Мбати. Хотя вопли белого священника, распугавшие духов-покровителей, не прошли даром: вскоре островок Вату-вара позарез понадобился звездным поганам для их громких игр. Рассвет был правильным – после забав западных Мбати-Воинов остается выжженный камень, гнилые телята со вздувшимися животами и крысы размером с добрую свинью, радующие своим писком духа Тропы Мертвых.

Но мнения жреца никто не спрашивал, потому что западный Мбати с самой большой звездой и без того втайне порицал расточительность правительства: верх глупости – оплачивать переселение «шоколадок» за казенный счет, особенно после выплаты им двухсотпроцентной компенсации. Так что жители Вату-вара разъехались по Океании, неискренне благодаря доброе чужое правительство, а пароход со смешным названием «*Paradise*» повез упрямого Мбете Лакембу с его матушкой прочь от родных скал.

Туда, где горбатые волны Атлантики омывают побережье Южной Каролины, не забывая плеснуть горсть соленых слез и на крохотную насыпь Стрим-Айленда.

Мбете Лакемба знал, что делает, поднимаясь на борт «*Paradise*».

...Капрал береговой охраны, здоровенный негр с наголо бритой головой, махал со своего катера Старине Лайку – даже мающемуся похмельем капралу было видно, что сегодня старика обременяет не только полусотня фунтов жира, способная заменить спасательный жилет, но и изрядная порция дурного настроения.

* * *

Бар пустовал: считал мух за стойкой однорукий бородач-хозяин, спал, уронив голову на столешницу, Плешак Абрахам – да еще сидел в углу, за самым чистым столиком, незнакомый коротышка в брезентовой рыбацкой робе.

Явно с чужого плеча.

– Как всегда, Лайк? – осведомился однорукий, выждав, пока Лакемба привыкнет к сумраку после солнца, всюю полыхавшего снаружи.

Полдень диктовал острову свои условия.

Старик кивнул, и Кукер лягнул располагавшуюся рядом дверь. За дверью послышался грохот посуды, сменив доно-

сившееся перед тем гитарное треньканье – мексиканец-подручный сломя голову кинулся жарить бекон и заливать шкварчащие ломтики пятью яйцами; вкусы Старины Лайка не менялись достаточное количество лет, чтобы к ним могли привыкнуть, как к регулярной смене дня и ночи.

Коротышка в робе прекратил изучать содержимое чашки, которую грустно держал перед собой близко к глазам, и воззрился на Мбете Лакембу. Если поначалу он явно предполагал, что темная маслянистая жидкость в чашке рано или поздно превратится в кофе – то сейчас одному Богу было известно, в кого он намеревался превратить разжиревшего старика.

– Доброе утро! – коротышка грустно пожевал обметанными простудой губами. – Меня зовут Флаксман, Александр Флаксман. Доктор ихтиологии. Присаживайтесь, пожалуйста, ко мне, а то я скоро подохну от скуки и не дождусь катера.

– Лакемба, – бросил старик, садясь напротив.

Обреченность рассвета мало-помалу просачивалась вовнутрь, и ноздри жреца трепетали, ловя вонь судьбы.

Блеклые глазки доктора Флаксмана зажглись подозрительными огоньками.

– Лакемба? – переспросил он и даже отхлебнул из чашки, чего раньше отнюдь не собирався делать. – Мбати Лакемба? Явуса но Соро-а-вуравура?

– Мбете Лакемба, – равнодушно поправил старик. – Мбе-

те, матангали-мбете. Явуса На-ро-ясо. Туна-мбанга ндау лаваки. Оро-и?

Однорукий Кукер за стойкой нахмурился и поковырялся пальцем в ухе.

– В моем заведении говорят нормальным языком, – буркнул он. – А кто хочет плевать всякой дрянью, пусть выметается на улицу.

Было видно, что коротышка изрядно успел осточерть Вильяму Кукеру; просто раньше не находилось повода взъесться на доктора ихтиологии.

Кофе ему не нравится, умнику...

– Он спросил: не являюсь ли я Лакембой из касты воинов. – старик даже не повернулся к обозленному Кукеру. – И не принадлежу ли к общине «Взимающих дань со всего света». А я ответил, что с момента зачатья вхожу в касту жрецов, матангали-мбете.

– Именно так, – хихикнул коротышка. – И еще вы добавили, что у «испражняющегося камнями» отвратительное прозвище. Думали, я не знаю диалекта Вату-вара?!

Жрец промолчал.

Разочаровывать гордого своими познаниями коротышку было недостойно правильного человека – кроме того, за «ндау лаваки» на родине Мбете Лакембы вызывали на поединок в рукавицах, густо утыканных акульими зубами.

Оро-и?

– Пять лет, – разлагольствовал меж тем довольный собой

Флакسمан, – пять лет моей жизни я отдал вашим скалам, вашим бухтам и отмелям, и в первую очередь вашим тайнам, уважаемый Мбете Лакемба! Если бы мне кто-нибудь сказал тогда, что годы спустя меня смоеет за борт и я окажусь на забытом Богом и правительством Штатов островке, где встречу потомственного жреца из общины На-ро-ясо, «Повелевающих акулами», – клянусь, я рассмеялся бы и плюнул ясновидцу в глаза!..

«А он разбил бы тебе породистую морду», – подумал Лакемба, принимаясь за яичницу, которую только что поставил на стол сияющий мексиканец.

Коротышка вдруг осекся, словно первый проглоченный Лакембой кусок забил доктору ихтиологии горло.

– Лакемба? – хрипло переспросил он. – Погодите, погодите... Туру-ноа Лакемба случайно не ваша родственница?

– Это моя матушка, – из уважения к матери старик на миг перестал жевать и сложил ладони передо лбом.

– Матушка?! Так ведь именно ее я просил... нет, умолял позволить мне увидеть обряд инициации вашей явусы! Тот самый, о котором вспоминал в своих мемуарах падре Лапланте!.. Боже, ну почему вы, фиджийцы, такие упрямые? И чем я, доктор Флакسمан, хуже францисканца Лапланте?!

«Тем, что белый Лапланте тоже Мбете, как и я, разве что называет Великого Нденгеи по-иному», – жрец продолжил завтрак, тщетно пытаясь отрешиться от болтовни доктора Флаксмана.

– Дался вам этот обряд, – хмыкнул из-за стойки Кукер, царапая ногтем деревянную панель. – Маетесь дурью...

На дереве оставались еле заметные белесые шрамы.

– Вы не понимаете! Падре Лапланте писал, что члены явусы На-ро-ясо в день совершеннолетия ныряют в бухту и пускают себе кровь, привлекая акул! А потом – знаете, каким образом они останавливают атакующего хищника?!

– Из гарпунного ружья, – однорукий Кукер не отличался богатой фантазией.

– Дудки! Они останавливают акулу... поцелуем! И та не только прекращает всякие попытки сожрать безумца, но и начинает защищать его, если в бухте окажется другая акула!

– Эй, Пако! – заорал Кукер во всю глотку. – Эй, сукин сын, ботинок нечищенный, ты меня слышишь?

– Слышу, хозяин! – донесся из-за двери голос мексиканца.

– Мы тебя сегодня акуле кинем! Понял, бездельник?

– Зачем?

Видимо, после восьми лет работы на Вильяма Кукера Пако равнодушно отнесся к подобной перспективе.

– Наверде живца! Она на тебя, дурака, кинется, а док ее в задницу целовать будет! Прямо под хвост! Понял?!

Пако не ответил – наверное, понял.

Флакман обиделся и на некоторое время заткнулся, что вполне устраивало Лакембу. Однако теперь завелся Кукер.

– Не знаю, какие штуки вытворяет родня Старины Лайка – пусть хоть трахаются с акулами! – но когда зараза-мако от-

тпяпала мне руку по локоть (Билл демонстративно помахал культетей, словно это должно было пристыдить коротышку), мне было не до поцелуев! И вот что я вам скажу, мистер, вы, может, и большая шишка у себя, откуда вы там вынырнули, наверное, и в акулах вы разбираетесь, как ихний президент – не стану спорить. Но не надо меня учить, как с ними себя вести! Лучший поцелуй для хвостатой мрази – заряд картечи или хороший гарпун, а всего лучше подружка – динамитная шашка!

Словно в унисон последнему выкрику завизжали петли, дверь бара распахнулась настежь, и в проем полыхнуло солнце. Черный силуэт на пороге грузно заворочался, окрашиваясь кровью, подгулявший бриз с моря обнял гостя за широкие плечи и швырнул в лица собравшимся пригоршню йодистой вони.

И еще – обреченности.

Люди молчали, хлопали ресницами, а судьба бродила по берегу и посмеивалась. Мбете Лакемба отчетливо слышал ее смех и вкрадчивые шаги, похожие на плеск волн.

Но это длилось недолго.

– Точно, Билли! – гроыхнуло с порога не хуже динамита, и дверь с треском захлопнулась, отрезав людей от кровавого солнца, своевольного бриза и запаха, который только притворялся запахом моря. – Запалил фитилек – и кверху брюхом!

Через мгновение к стойке протопал Ламберт Мак–Эванс,

известный всему Стрим-Айленду как Малявка Лэмб. Он грохнул кулачищем по деревянному покрытию, во всеуслышанье пустил ветры и огляделся с надеждой: а вдруг кому-то это не понравится?

Увы, повода отвести рыбацкую душу не представилось.

– Совсем житья не стало от треклятых тварей! Четвертый день выходим в море – и что? Болт анкерный с левой резьбой! Мало того, еще и половину сетей – в клочья! Я ж говорил: надо было сразу пристрелить ту грязнопузую бестию, не будь я Ламберт Мак-Эванс! Глядишь, и Хью до сих пор небо коптил бы, и весь Стрим-Айленд не ерзал по гальке голым... эх, да что там! Джину, Билл! Чистого.

Любую тираду Малявка Лэмб заканчивал одинаково – требуя джину.

Чистого.

– Извините, так это вы и есть мистер Мак-Эванс? – вдруг подал голос ихтиолог.

– Нет, Майкл Джексон! – заржал Кукер, снимая с полки граненую бутыль «Джим Бима». – Сейчас споет.

Сам рыбак вообще проигнорировал обращенный к нему вопрос.

– Так я, собственно, именно с вами и собирался встретиться! – сообщил доктор Флакман, лучась радостью. – Про какую это «грязнопузую бестию» вы только что говорили? Уж не про ту ли акулу, насчет которой с вашего острова поступила телеграмма в Американский институт биологиче-

ских наук, нью-орлеанское отделение?

– Ну? – хмурый Ламберт соизволил повернуться к ихтиологу. – А ежели и так? Только мы, парень, телеграмму в Чарлстон посылали, а не в ваш сраный Нью– Орлеан!

– Этим бездельникам из Ассоциации? – презрительно скривился Флакسمан. – У них едва хватило ума переправить ваше сообщение в наш институт. И вот я здесь!

Осчастливив собравшихся последним заявлением, доктор поднялся, гордо одернул рыбацкую робу – что смотрелось по меньшей мере комично – и начал представляться. Представлялся Флакسمан долго и со вкусом; даже толстокожий Лэмб, которому, казалось, было наплевать на все, в том числе и на недавнюю гибель собственного брата Хьюго, перестал сосать джин и воззрился на ихтиолога с недоумением.

– ...а также член КИА – Комиссии по исследованию акул! – гордо закончил Александер Флакسمан.

– И приплыл сюда верхом на ездовой мако! – фыркнул Малявка Лэмб.

– Почти, – с неожиданной сухостью отрезал ихтиолог. – В любом случае, я хотел бы получить ответы на свои вопросы. Где акула, о которой шла речь в телеграмме? Почему никто не хочет со мной об этом говорить? Сплошные недомолвки, намеки... Сначала присылаете телеграмму, а потом все как воды в рот набрали!

Член КИА и прочее явно начинал кипятииться.

– Я вам отвечаю, док.

Дверь снова хлопнула – на этот раз за спиной капрала Джейкобса, того самого здоровенного негра, что махал рукой стоявшему на берегу Лакембе.

– Потому что кое-кто действительно набрал в рот воды, причем навсегда. Три тупа за последнюю неделю – это вам как? Любой болтать закается!

– Но вы-то, как представитель власти, можете мне рассказать, что здесь произошло? Я плыл в такую даль, чуть не утонул...

– Я-то могу, – довольный, что его приняли за представителя власти, негр уселся за соседний столик, и Пако мигом воздвиг перед ним гору истекавших кетчупом сэндвичей и запотевшую кружку с пивом. – Я-то, дорогой мой док, могу, только пускай уж Ламберт начнет. Если, конечно, захочет. А я продолжу. Что скажешь, Малявка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.